Вятский

Доброта спасет Россию

СТУК В ДВЕРЬ, КОГДА ЖИЗНЬ НЕ МИЛА

Социалистическая индустрия г. Москва
13 АВГ 1991

Как перевернут мир! Как далеко мы ушли от естественного хода жизни, от вершин общечеловеческой морали, от ценностей, которыми жили наши деды и прадеды!

Есть люди, живущие по законам доброты и внутренней гармонии, не думающие о том, чем и как отзовется сотворенное ими. Мы же почитаем их за чудаков. Но именно они и есть настоящие, нормальные люди. Они, а не мы—изверганные, расчетливые, пекущиеся прежде всего о собственном благе. И если мир до сих пор, несмотря на всю его прагматичность и жестокость, сохранил человечность, ценности товарищества и любви, сохранился сам, как цивилизованное сообщество, то обязан этим им—чудакам, «нестандартным» людям.

САД СЛЕПОГО УЧИТЕЛЯ

Константин Константинович Ермаков с детства был слаб на зрение. Окончил педагогический. Тянуло к филологии. Но выбрал физику. Меньше контрольных. Нет сочинений. Долгое время преподавал половину программы школьного курса, а тут его назначили еще и директором. Сутки уплотнились так, что между делами и «лезвия бритвы не просунешь». И случилось однажды: проходя через школьный двор, увидел яркую огненную вспышку. А потом наступила тьма.

Окулисты констатировали — нервная система не выдержала перегрузки и поразила самую слабую и незащищенную систему организма — зрение.

Что делать? Сидеть сложа руки Ермаков не умел. Пошел в райисполком.

— Дайте кусочек земли.

— А кто обрабатывать будет?

— Я.

Посмотрели исполкомовцы на слепого, пожали плечами. Но выделили клочок неудобья, на котором даже чертополох не рос.

Три года бился с участком инвалид. Голый солонцовый бугор не рожал ничего живого. Ему подсказали:

— Надо менять почву.

Еще три года ушло на то, чтобы создать новый, плодоносный слой земли. Впрягшись в самодельную тележку, вместе с женой и десятилетним внуком Олежкой Константин Константинович возил за три-четыре километра чернозем, песок, навоз. И — вырастил сад! Да такой, что фрукты, ягоды, цветы с него на выставках любого масштаба поражали не только любителей, но и опытных селекционеров.

Яблоки весом в пятьсот-семьсот граммов вы видели? Я видел. Два года мой очерк «Преодоление» о Ермакове лежал в редакции «Огонька» потому, что в заключение на него из Академии сельскохозяйственных наук были слова: «Этого не может быть». И напечатали только тогда, когда на дачном участке Ермакова побывала специальная комиссия академии, которая признала — может быть.

Ермаков оказался ужасно неудобным человеком в отношении с окружающим миром. И особенно неудобным для соседей, которые имеют дома-крепости.

Ермаков для них — как бельмо на глазу. Ну, мыслимо ли — человек не продал на базаре ни одного раннего огурца, ни одного ведра клубники, ни одного яблока, ни одного гладиолуса? Мыслимо ли, что этот странный дачевладелец развозит на своей тележке корзинки с вишней и малиной, с грушами и ранней редиской, с диковинными цветами по детским интернатам, расположенным вокруг станции Татищево, что в Саратовской области.

И вот нет старого учителя-садовода Ермакова. Что тут поделаешь... Но очень печально и то, что никому не понадобились его опыт, его открытия. Ни академикам, ни местным селекционным станциям, ни обществу охраны природы. Сад разрушается.

ДИПЛОМ НА ДВОИХ

С медицинской сестрой Таисией Куркиной я познакомился при необычных обстоятельствах. На выпускном вечере заочного отделения одного из самарских институтов. Получив новенький диплом, вчерашний студент, ставший специалистом высшей квалификации, разорвал его на две части и вторую половинку протянул маленькой, скуластой женщине:

— Половина моей победы — твоя!

Она отталкивала эту половинку и в ужасе шептала:

— Коля! Коля! Что же ты наделал? Зачем?

...Коля — бывший военный летчик. Получив травму позвоночника и потеряв способность самостоятельно передвигаться, он отчаялся, не хотел жить. Желание покончить с собой овладело им с еще большей силой, после того, как ничего не дала операция в больнице имени Пирогова. Медицина еще не научилась воссоединять порванный спинной мозг.

Сама очень больная, инвалид с детства, Таисия с такой силой и яростью возненавидела болезни, что решила всю жизнь свою посвятить борьбе с ними. Каждый случай, когда на ее глазах уходит в небытие человек раньше назначенного ему природой срока,— еще одна зарубка на больном сердце.

Это трудно и долго описывать, как она внушала молодому летчику веру в жизнь, как взяла к себе в союзники его жену, как пять лет брала к очередному отпуску еще один за свой счет, чтобы возить его из Астрахани в Самару на летнюю и зимнюю сессии, а потом отвозить обратно к семье, как во время этих сессий просилась переводить ее на ночное дежурство, чтобы три раза в день готовить ему домашнюю пищу и возить через весь город в институт.

Она учила его ходить сначала на костылях, потом с палочкой, потом без нее. Отчасти преодолен был высокий мышечный тонус. Врачи-то знают, какая это страшная вещь—«высокий мышечный тонус». Получать диплом Николай Пожидаев шел без палочки.

...И вновь, когда приходило время отпуска, брала билет на поезд или самолет и ехала туда, откуда раздавалась мольба о помощи, где люди, попавшие в беду, отчаялись выбраться из нее.

НОЧНОЙ ОБХОД

А совсем недавно открыл я для себя еще одно имя. Главный бухгалтер базы отдыха института «Гипровостокнефть» Мария Фоминична Калашникова. Женщина пенсионного возраста. С очень трудной судьбой. Мать пятерых детей. Рано потеряла мужа. Были годы — одна тащила на своих плечах девять человек: маленьких детей и четырех стариков-инвалидов. Вынуждена была, чтобы прокормить эту ораву, уехать на Крайний Север, где заработки были повыше. Может быть, и до сей поры жила бы там, за Полярным кругом, если бы не обострившаяся болезнь, которая потребовала более мягкого климата.

Словом, жизнь не баловала. Но она, эта жизнь, определила и характер женщины: сильный, волевой, бескомпромиссный, с высоким чувством собственного достоинства и умением воспринимать чужую боль.

Вы можете мне не поверить, но, если имеете возможность проплыть по Волге от Селигера до Астрахани и перекусить на всех базах, в турлагерях, санаториях, домах отдыха, расположенных на этих берегах, то такого стола с такими аппетитными, разнообразными, вкуснейшими блюдами не найдете нигде, кроме, как на базе «Гипровостокнефти».

Нет, дело не в особом финансировании базы. Это, как у всех. Те же деньги. Дело в том, что рядом с поваром стоит еще один—очень изобретательный «нештатный» кулинар, не получающий за это никакой приплаты,— Мария Фоминична. И еще в том, что в котел закладывается до единой унции все, что полагается по строго выверенной и составленной калькуляции.

А в полночь, захлопнув бухгалтерский гроссбух, начинает Калашникова свой странный обход. Идет по спящему деревянному городку и стучит в двери. Впрочем, могла бы и не стучаться. Ее ждут. Ночью она лечит маленьких спящих детей. Лечит бесконтактным массажем. Почему ночью?

— Днем и вечером дети очень беспокойны, возбуждены. Нервная система напряжена. И мои биотоки дают слабый эффект.

А утренний обход своих взрослых пациентов она начинает с пяти утра.

— Да, когда же вы спите, Мария Фоминична?

Улыбается:

— Не беспокойтесь. Мне трех часов хватает.

◇

Кто-то сказал, что незаменимых людей нет. Неправда. Каждый человек незаменим. «Нестандартные» люди незаменимы вдвойне. И беда обществу, если оно превратится в одинаковую безликую массу легко заменяемых винтиков государственной машины, где отступление от ГОСТа — уже брак, уже порок. Берегите влюбленных в людей и жизнь чудаков! Они-то и есть соль земли, ее украшение, ее надежда и будущее.

Андрей ВЯТСКИЙ

САМАРА